

Артур Вейгалл

ВЛАДЫКИ МИРА

КЛЕОПАТРА

Последняя
царица Египта

Артур Вейгалл

**Клеопатра. Последняя
царица Египта**

«Центрполиграф»

2010

Вейгалл А.

Клеопатра. Последняя царица Египта / А. Вейгалл —
«Центрполиграф», 2010

Артур Вейгалл – член экспедиции лорда Карнарвона, открывшего миру гробницу Тутанхамона, – был известным знатоком древностей Египта. Ученый и писатель, он создал объемный и прекрасный портрет самой необыкновенной женщины Античности. Клеопатра пришла к власти в восемнадцать лет, она говорила на семи языках, возродила обряды древней религии Египта и приняла символ божественной сущности Матери-богини Хатхор, дочери Великого Ра. Бесстрашная, властолюбивая и обаятельная, она была очень любима своим народом. Деловая, с острым, проницательным умом, царица всеми возможными средствами отстаивала права женщин и оказывала поддержку правительницам маленьких и слабых государств.

Содержание

Завеса тайны над Клеопатрой поднята	5
Часть первая	10
Глава 1	10
Глава 2	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Артур Вейгалл

Клеопатра. Последняя царица Египта

Завеса тайны над Клеопатрой поднята

*Я – то, что было, есть
И будет;
И мой покров еще не поднимал
Ни один смертный.*
Богиня Нейт

Разве какая-нибудь женщина за всю историю человечества так владела умами и воображением людей, как Клеопатра VII, последняя царица Египта? И чей еще образ женственности господствовал так успешно и так долго? Почитаемая при жизни как богиня (такова египетская традиция – все фараоны обожествлялись. И представители македонской династии Птолемеев (последней в ней стала Клеопатра) не оказались исключением. – *Ред.*), Клеопатра продолжала быть объектом поклонения, и даже три века после Христа люди курили фимиам и приносили в ее честь жертвы как Царице Небес. В умах и сердцах простых людей ее образ оставался жить и все более и более превращался в олицетворение женского совершенства. Поэты один за другим воспевали ее неземную красоту, распространяя легенду о ней в страстных хвалебных одах. Шекспир, величайший из драматургов, грезил о Клеопатре как о «царственной возлюбленной».

Возраст не может лишить ее свежести, а привычка
Не может лишить новизны ее бесконечную многогранность.
Другие женщины пресыщают собой, а она заставляет испытывать
голод;
Самые низменные вещи настолько приличествуют ей,
Что святые отцы благословляют ее, когда она предается
распутству.

Ее полюбил величайший завоеватель и искусный политик всех времен Гай Юлий Цезарь, тот, кого не могли уничтожить ничьи воинства и армии.

Она заставила великого Цезаря положить свой меч на ложе.
Он вспахал ее, и она дала урожай.

Цезарю Клеопатра родила его единственного законного сына Цезариона.

Ради Клеопатры наследник Цезаря Марк Антоний лишился власти над римским миром и считал, что хорошо ею распорядился. «За поцелуями мы позабыли о царствах и провинциях» – так с полным основанием могли сказать они.

Артур Вейгалл в своем самом полном биографическом произведении «Жизнь и эпоха Клеопатры, царицы Египта» классически оживляет динамичный рассказ о ее кровосмесительном происхождении (это тоже древняя египетская традиция. – *Ред.*) и браках, внебрачных связях, убийствах, детях и ее чрезмерных амбициях, которые охватывали окружающий мир, пока в возрасте тридцати девяти лет она не совершила самоубийство. Произведение Вейгалла уже давно считается наиболее точным отображением тех времен, когда властвовала Клеопатра, и

той страсти, которую она вселила не только в сердца Цезаря и Антония, но и в души мужчин наших дней. Ни в какой другой биографии нельзя получить такую полную и подробную информацию о личности Клеопатры, о ее деятельности, достижениях, поражениях, трагедии, а также об эпохе и людях, окружавших ее.

Подобно Александру Македонскому, в армии которого ее предок Птолемей Лаг служил военачальником, Клеопатра мечтала о завоевании Индии, об обладании огромной империей, воспроизводящей в больших масштабах древнюю империю фараонов. В отличие от своих предшественников – убийц, прелюбодеев, преступников, замешанных в инцесте, – она создала при жизни живую легенду о себе, завоевав верность и поддержку своих подданных – египтян. Жители Александрии, греки, македонцы и евреи, ненавидели ее, потому что она искала и добилась преданности местных жителей – египтян, которых потомки греко-македонских завоевателей эксплуатировали на протяжении трех веков (Александр Великий занял входивший с 525 г. до н. э. [с перерывом в 405–341 гг. до н. э.] в состав иранской империи Ахеменидов Египет без боя в 332 г. до н. э. С 323 г. до н. э., после смерти Александра, Египет оказался под властью Птолемея Лага, в 305 г. до н. э. принявшего титул царя. – *Ред.*).

Рожденная в 69 г. до н. э., она пришла к власти в восемнадцатилетнем возрасте, выйдя замуж за своего брата Птолемея XII, которому в то время было десять лет, и возродила древние обряды и религию Египта. В начале своего правления Клеопатра совершила путешествие вверх по Нилу. В Верхнем Египте на нее были возложены рога Матери-богини Хатхор (центр культа Хатхор [богиня небес, земли и загробного мира, изображалась в образе коровы или женщины с рогатой головой коровы] находился в Дендере. – *Ред.*), символ божественной сущности, которые она передала сыну Цезаря Птолемею XIV (или, по другой хронологии, XV). С восемнадцати лет Клеопатра говорила и действовала как царица и богиня, принимая подношения в обеих ипостасях. По всему миру в ее честь возводились храмы, и сам Юлий Цезарь поставил на форуме (площадь в Древнем Риме, центр общественно-политической жизни того времени. – *Пер.*) на месте поклонения своей прародительнице Венере Генетрикс (Юлий Цезарь ввел почитание богини Венеры как Венеры Генетрикс – покровительницы материнства и брака. – *Ред.*), шокировав Рим, статую Клеопатры. Единственная из греко-македонской династии Птолемеев (Лагидов), она говорила на египетском языке так же хорошо, как и на семи других языках, и этот факт, соединившись с ее властолюбивым характером, завоевал ей глубокое уважение и любовь угнетенных египетских крестьян.

Ее власть охватывала все Восточное Средиземноморье; Рим опасался ее силы. До самой смерти Клеопатры в 30 г. до н. э., после того как Октавиан нанес ей и Антонию поражение в морском сражении при Акции в 31 г. до н. э., коренное население Египта было готово подняться против римлян на ее защиту. Подобно Наполеону, оказавшемуся в схожих обстоятельствах (в 1814 г., когда русские и их союзники взяли Париж, и в 1815 г. после поражения от англо-голландской армии Веллингтона и пруссаков Блюхера при Ватерлоо. – *Ред.*), Клеопатра запретила это проявление верности ей, чтобы предотвратить кровопролитие. Однако после смерти Клеопатры в августе 30 г. до н. э., движимые желанием отомстить, египтяне восстали и многие нашли свою смерть от коротких мечей легионеров непобедимых римских легионов. Клеопатра была настолько любима народом, что когда Октавиан распорядился уничтожить ее статуи, то неизвестный человек выкупил их за 200 талантов, что в настоящее время превышает сумму миллион долларов. (В талантах, принятых Александром Македонским [1 талант = 25,9 килограмма серебра], это 5180 килограммов серебра, что в ценах на конец 2009 – начало 2010 г. [17–20 долларов за тройскую унцию (31,1 грамма)] составляет около 3 миллионов долларов. – *Ред.*)

История ее жизни чрезвычайно поразительна. Природа не наделила Клеопатру совершенной внешностью для великой искусительницы, но на свете не было более прекрасной женщины. Будучи далека от идеала красоты, она тем не менее внушала к себе глубочайшую верность

и любовь особенно благодаря своему чувственному голосу и личности, своим обольщающим капризам и своей живой способности к получению от жизни удовольствий, которая, по-видимому, была особым талантом Клеопатры. Она могла вести бесконечные оргии, участвовать в абсурдных розыгрышах, растворять в кислоте бесценные жемчужины, охотиться, рыбачить или идти на войну – и все это с непринужденным изяществом, которое делало ее незаменимой для очарованных ею талантливых мужчин. Все это Клеопатра проделывала, ни на миг не теряя из виду свою главную цель – восстановление и возвращение огромной империи ее семье и принятому ею под свое крыло народу, египтянам.

Клеопатра была образованной женщиной и обладала практичным умом; она тщательно изучала мышление того времени. Она была автором книг по философии, единицам веса, измерений и монетной системе, а также книг о прическах и косметике. У Галена сохранился любопытный рецепт Клеопатры для лечения облысения. Возможно, это был тот самый рецепт, который она составила для Цезаря, который скрывал свою плешивую макушку под лавровым венком императора. В качестве лечения Клеопатра советовала: «Истолочь красную серу с мышьяком и смешать со смолой дуба. Положить смесь на тряпицу и прикладывать, предварительно хорошенько намылив лысое место. Я смешивала вышеозначенные ингредиенты со взбитой селитрой, и средство имело хорошее действие... Следующий рецепт самый лучший при выпадении волос, когда его наносят вместе с маслом или помадой; действительно при выпадении ресниц или при полном облысении. Он просто чудесный. Одна часть сожженных домашних мышей, одна часть сожженной виноградной лозы, одна часть сожженных зубов лошади, одна часть медвежьего жира, одна часть костного мозга оленя, одна часть коры тростника. Все это в сухом виде раздробить и смешивать с большим количеством меда до тех пор, пока смесь не приобретет консистенцию меда. Затем нужно смешать с этим медвежий жир и костный мозг оленя (растопив), и это средство следует положить в медную флягу и втирать его в облысевшую часть головы до тех пор, пока на ней не начнут расти волосы».

Алхимики и суеверные авторы I в. н. э. твердо верили, что Клеопатра владела философским камнем, который давал ей возможность превращать простые металлы в золото. Безусловно, ее расточительство не знало границ, а ее богатство казалось неисчерпаемым. В экзотическом окружении Клеопатры была труппа *cinaedi* (кинеды [гр.] – предающиеся противоестественным половым сношениям. – Ред.), которые, вероятно, были евнухами или кастратами. Таких людей нанимали аристократы того времени и сама Клеопатра, вероятно, для того, чтобы избежать риска при сбрасывании сексуального напряжения, так как они ограничивались извращенными действиями. Ее фаворитом был евнух по имени Челидон. Но несомненно, рассказы об эротических похождениях Клеопатры были преувеличены. По-видимому, ее интересовали в основном политика и экономика, ее амбиции выходили за пределы простой сексуальности или любви. Она знала, как надо подчинять себе мужчин и привязывать их к себе всеми уловками и приемами Афродиты, но при этом не теряла ни головы, ни сердца.

Всеми возможными способами она отстаивала права женщин, особенно в политических ситуациях. Будучи деловой женщиной с острым и проницательным умом, Клеопатра сама работала на нескольких шерстопрядильных фабриках с помощью своих служанок и оказывала поддержку различным царицам маленьких государств, таким как Александра Иудейская, в пресечении попыток их супругов узурпировать их власть.

Однако, какой бы образованной, преданной искусству и широкомасштабному строительству ни была Клеопатра, она тоже неизбежно вела династическую игру. Ее муж и брат Птолемей XIII утонул; своего второго брата Птолемея XIV, за которого она тоже вышла замуж, она приказала отравить, а затем убила свою сестру Арсиною. Клеопатра, согласно традиции египетских фараонов и династии Птолемеев, жила в кровосмесительном браке со своими братьями и, возможно, со своим странным отцом Птолемеем XI Авлетом. Начиная с первой династии фараонов Древнего Египта, около 3200 г. до н. э., в царской семье сочетались браком мать

с сыном, отец с дочерью, брат с сестрой без каких-либо опасных последствий для потомства. (Это через несколько поколений приводило к вырождению и пресечению династии. – *Ред.*)

В венах Клеопатры, вероятно, текла и толика сирийской крови, так как ее бабушка, любовница ее деда Птолемея Латира, была из этого народа. Клеопатра, несомненно, имела македонские, греческие и иранские гены, но ни одна капля египетской крови не запятнала ее белоснежные одежды или кожу.

Ее эпоха была временем великого распутства, когда женщины благородного происхождения даже обучали собак доставлять им удовольствие, когда был широко распространен гомосексуализм, в частности педерастия, а у представителей высших классов чаще рождались незаконные дети, нежели законные. Тем не менее змей Нила предстает в виде преданной матери и возлюбленной. Цезарю она родила сына, а Марку Антонию близнецов, мальчика и девочку, а позднее еще одного сына.

В возрасте четырнадцати лет она мимолетно встретила с Марком Антонием, который в то время был привлекательным мужественным легатом под командованием Габиния и находился в Египте. Очевидно, Антоний так и не забыл ее, и, после того как Цезарь, его господин, был безжалостно убит заговорщиками, он взял на себя не только роль Цезаря в мировой политике и поставил перед собой его амбициозную цель завоевать Парфию и Индию, но и заменил своего владыку и хозяина в объятиях несравненной Клеопатры. На эллинистическом Востоке они вместе изображали Диониса и Афродиту, а перед египтянами представляли как Осирис и Исида. После своего бракосочетания в 37 г. до н. э. они переименовали своих близнецов в Гелиоса и Селену, Солнце и Луну.

Клеопатра создала легенду, такую же великую, как и Александр. Ее поклонники ошибочно приписывали ей чудеса, а также строительство дворца и маяка, возведение Александрийского Гептастадиума (дамба, которая соединяла остров Фарос с мысом на материке. – *Пер.*) и создание канала, который провел воду в Александрию. В XII в. коптский епископ Иоанн из Никиу сказал, что она сделала больше, чем любой царь, который правил до нее, что она была «самой прославленной и мудрой из женщин... великой сама по себе, а также благодаря своим достижениям, демонстрировавшим мужество и силу». Клеопатра играла роль дочери Ра, и ей почти удалось возродить древнюю египетскую империю фараонов.

Тем не менее она, олицетворявшая женскую силу, не моргнула и глазом, когда ее отец убил одну сестру, в то время как ее другую сестру в цепях римляне вели на Капитолийский холм, празднуя победу Цезаря, мимо глумящихся, издевающихся толп народа, и тогда, когда рабы умирали от яда, чтобы она могла испытать наиболее эффективный метод ухода из жизни. Ее научное любопытство, по-видимому, почти не знало границ; в Талмуде рассказывается о том, как Клеопатра приказывала вскрывать животы беременным женщинам, чтобы определить тот момент, когда эмбрион превращается в утробный плод, то есть то время, когда душа входит в тело.

Римская пропаганда называла ее «позором Египта, фурией смерти Лация (древняя область в Италии, где возник и окреп Рим. – *Пер.*), чья порочность дорого обошлась Риму. Точно так же, как опасная красота спартанской царицы Елены привела к уничтожению Аргоса и Трои, Клеопатра разжигала страсти в Италии. Ее погремушка (намек на хвост гремучей змеи, которая позднее погубила ее (автор ошибается – эти змеи в Африке не водятся. Клеопатра использовала для самоубийства египетскую кобру, известную также как гая или настоящий аспид [*Naja haje*]. – *Ред.*) (здесь игра слов, имеется в виду шумный, веселый образ жизни Клеопатры. – *Пер.*), ужасала Капитолий – может ли такое быть?.. Вопрос стоял так: должна ли миром править женщина, которая даже не является римлянкой». Но даже они вынуждены были галантно признать: «Кто может отказать Антонию в прощении его безрассудной страсти, когда даже стойкое сердце Цезаря запылало?» Для великого поэта Горация Клеопатра была женщиной «достаточно сумасшедшей, чтобы вынашивать самые фантастические надежды, будучи

любимицей судьбы». И все же в конце резкой обличительной речи против египетской царицы он согласился с тем, что «эта женщина не робкого десятка!».

Римляне пытались заклеить ее как пьяницу. На самом деле она носила на пальце кольцо с ликом богини Меты (невоздержанность), выгравированном на аметисте, камне трезвости, для того чтобы предотвратить опьянение и достичь того вида экстаза, который известен как божественная мудрость. Более того, оно указывало на то, что Клеопатра была последовательницей Диониса и его мистерий. Она не только познакомила Рим со всеми возможными пороками, но и научила римлян многим мудростям египтян.

Клеопатра встретила смерть с большим мужеством, чем можно было бы ожидать от такой роскошной женщины: она положила себе на грудь ядовитую змею, божественного посланца своего отца Ра, и приняла ее укус скорее как освобождение, нежели как наказание. Когда Клеопатра, умирая, легла на свою золотую кушетку, ее служанка Хармиона тоже совершила самоубийство после того, как надела венец на голову своей царицы. Еще одна из служанок Клеопатры по имени Ирада добровольно последовала за ней. О скольких правителях в истории человечества можно сказать, что их ближайшие слуги предпочли смерть жизни без них?

После этого даже в наши дни в Египте называют Клеопатру, Богиню Очарования, просто Царицей, как будто другой никогда и не было.

Сидни Холперн

Часть первая

Цезарь и Клеопатра

Ничто не тронуло бы Цезаря, но красота Клеопатры поддержала ее просьбу, и она добилась своего. Ее судья был подкуплен, и с ним она провела ночь постыдной и извращенной страсти. Когда благосклонность Цезаря была завоевана и куплена ее дарами, за этим радостным событием последовал пир. Какой поднялся переполох, когда Клеопатра продемонстрировала свое великолепие – великолепие, которое римское общество еще не переняло. Там были несчастные мальчики, которые утратили свою мужскую сущность после взмаха ножа, а напротив них стояли юноши, щеки которых, несмотря на их возраст, едва оттенял пушок. Там села царица, а с ними – великий Цезарь. Там была Клеопатра, недовольная своей собственной короной и братом в роли мужа; ее гибельная красота была подчеркнута красками сверх всякой меры; усыпанная дарами Красного моря, она несла на шее и на волосах целое состояние и сгибалась под тяжестью украшений. Ткань из Сидона открывала ее белые груди.

М. Анней Лукан (39–65; римский поэт)

Глава 1

Дитя

Клеопатра была последним царствующим монархом из египетской династии Птолемеев и седьмой египетской царицей, которая носила такое имя¹, обладая всеми правами и привилегиями этого необыкновенного рода фараонов. Династия Птолемеев была основана в 305 г. до н. э. Птолемеем Лагом, который был одним из македонских военачальников Александра Великого и который после смерти своего повелителя (в 323 г. до н. э.) захватил провинцию Египет, а несколько лет спустя (в 305 г. до н. э.) сделал себя царем этой страны, обосновавшись в недавно основанном Александром (в 331 г. до н. э.) городе Александрии на морском побережье. В течение около трех веков эта династия вершила судьбами Египта сначала с заботливой осторожностью, а позднее с поразительной беспечностью до тех пор, пока со смертью великой Клеопатры и ее сына Птолемея XIV Цезариона царский род не закончился.

Чтобы правильно понять характер Клеопатры, следует отдавать себе отчет в том, что Птолемеи не были египтянами. Они были македонцами, как я уже говорил, и в их жилах не было ни капли египетской крови. Их столица Александрия была главным образом средиземноморской колонией на египетском побережье, не имевшей никаких других связей с дельтой и долиной Нила, кроме чисто коммерческих и официальных отношений, которые по необходимости существовали между приморской резиденцией правителя и провинциями. Город был греческим по своим отличительным особенностям; храмы и общественные здания были выстроены на греческий манер; искусство того периода было греческим; жизнь имущих классов протекала по греческому образцу; придворные и аристократия одевались в греческое платье; язык, на котором они говорили с заметным македонским акцентом, был греческим. Вполне вероятно, что никто из рода Птолемеев никогда не надевал египетского платья, за исключением, возможно, церемониальных случаев. Попутно можно отметить, что современное традицион-

¹ Написанное иероглифами имя Клеопатры читается как Клеопадра. Это греческое имя, означающее «Слава ее племени».

ное представление о Клеопатре, разгуливающей по своему дворцу в великолепных египетских одеяниях и в головном уборе с изображением кобр, который носили царицы в древности, не имеет под собой никаких оснований. Верно то, что она, как отмечалось, в определенных случаях облачалась в одежду, которая должна была имитировать тот наряд, который, по мнению жрецов того времени, должна была носить богиня-мать Исида. Но изображения Исиды того времени обычно представляют ее одетой на греческий, а не на египетский манер. И если Клеопатра когда-либо надевала платье египетских цариц, которое они носили в древности, то это, вероятно, случалось лишь по большим религиозным праздникам или в тех случаях, когда следование устаревшим обычаям требовалось церемониалом.

Птолемей, эти греческие монархи – и Клеопатра в той же мере, что и ее предшественники, – получали титулы, которые так величественно носили Рамсес II Великий и еще ранее могущественный Тутмос III более чем за тысячу лет до них. Их называли Живым воплощением бога Амона, Потомком Солнца и Избранным Птахом точно так же, как великого Мемнона (Аменхотеп III, изображения которого известны как «колоссы Мемнона», преемник Тутмоса IV, внука Тутмоса III. – *Ред.*) и фараона-завоевателя Сенусерта III (фараон Среднего царства [XIX в. до н. э., то есть почти за четыре века до Тутмоса III], когда Египет был первой державой в мире (с 3-го тысячелетия до н. э. в Месопотамии существовали мощные государства [Шумер, Аккад, империя Ура III, Вавилония, Митанни, Элам, Ассирия], с XVII в. до н. э. до ок. 1200 г. до н. э. в Малой Азии поднялась Хеттская держава, которая сильно потеснила Египет в Передней Азии. – *Ред.*). В храмах по всей стране, за исключением влиятельных храмов в Александрии, этих македонских монархов графически изображали в одежде древних фараонов, увенчанных высокими коронами Верхнего и Нижнего Египта, рогами и перьями Амона и с царской змеей на лбу. Там их видели поклоняющимися древним богам Египта, простирающимися ниц перед короной Хатхор, склоняющимися перед крокодилом Себеком, воскуряющими фимиам у святилища богини с кошачьей головой Бастет и совершающими все магические церемонии, освященные традициями четырехтысячелетней давности. На изображениях их возводят на престол вместе с богами, а вот они в объятиях Исиды, вот их приветствует Осирис, целует Мут, богиня-мать (жена Амона-Ра. – *Ред.*). И все-таки сомнительно, чтобы в действительности кто-либо из Птолемеев в какой-либо период так отождествлял себя с традиционной фигурой фараона.

Очень редко эти правители-греки покидали свой город Александрию, чтобы посетить собственно Египет и совершить путешествие вверх по Нилу. В определенных городах такой правитель удостоивал своим визитом местный храм и формально исполнял все предписанные церемонии, подобно тому как современный монарх закладывает первый камень или спускает на воду линкор. Но нет никаких свидетельств того, что кто-то из членов царского дома Птолемеев считал себя египтянином в традиционном смысле этого слова. Как правило, Птолемей заботился о том, чтобы угодить жрецов и предоставить им возможность свободно пользоваться своими средствами при строительстве и украшении храмов; и общественная жизнь египтян получала весьма значительный стимул. Но в Александрии человеку трудно было поверить в то, что он находится в стране фараонов, и царский двор по своему характеру был почти полностью европейским (греческим. – *Ред.*).

Все представители династии Птолемеев были чрезвычайно бессердечными в своей оценке человеческой жизни, и история этой династии на всем своем протяжении отмечена серией подлых убийств. В этом отношении они проявили свою неегипетскую кровь: люди, жившие в долине Нила, были более добрыми, не предрасположенными к ремеслу наемных убийц и ни в коей мере не равнодушными к правам своих соотечественников. Может оказаться интересным перечислить здесь некоторые из убийств, за которые несли ответственность Птолемей. Птолемей III, согласно Юстину (римский историк III в. до н. э. – *Пер.*), был убит своим сыном Птолемеем IV, который также, по-видимому, в разные времена спланировал убийства своего

брата Магаса, своего дяди Лисимаха, своей матери Береники и своей жены Арсинои. Птолемей V описывается как жестокий и вспыльчивый монарх, который, по-видимому, завел себе привычку убивать тех, кто его раздражал. Птолемей VII Фискон, по словам Полибия, обладал пороком необузданности, свойственным египтянам, хотя в целом он не был расположен к кровопролитию. Птолемей VIII был убит своим дядей, Птолемеем VII Фисконом, который женился на матери погибшего мальчика, овдовевшей царице Клеопатре II, которая вскоре подарила ему ребенка, которого назвали Мемфитес, но здесь его отцовство сомнительно. Согласно некоторым источникам, позднее Птолемей убил этого ребенка и прислал его тело, разрезанное на куски, матери.

Затем Птолемей VIII взял в жены свою племянницу Клеопатру III, и она, оставшись вдовой, по-видимому, убила Клеопатру II. Эта Клеопатра III родила сына, который позднее вошел на трон как Птолемей X; впоследствии она попыталась убить его, но тарелки с едой оказались передвинуты, и убитой оказалась она. Птолемей X убил свою мать, после чего был изгнан. Птолемей XI Авлет, отец великой Клеопатры, убил свою дочь Беренику и зятя, а также нескольких других известных людей.

Женщины в этой семье были даже еще более жестокими, чем мужчины. Махаффи описывает их характерные черты так: «Огромная власть и богатство, которые они имеют, подразумевают обладание большими людскими и денежными ресурсами; взаимная ненависть; пренебрежение семейными узами и привязанностями; самая искренняя цель – братоубийство – такие картины порочности заставляют любого здравомыслящего человека остановиться и задать вопрос: уж не потеряли ли эти женщины свою человеческую природу и не занял ли ее место, по словам поэта, гирканский (Гиркания – область в Древнем Иране, совр. восточная часть иранского Прикаспия [восток Мазендерана и запад Горгана]. – *Ред.*) тигр». Да и в других отношениях эта жестокая царская семья имела незавидную репутацию. Первые три Птолемея были наделены многими благородными качествами и выделялись своими талантами, но остальные монархи этой династии были по большей части дегенератами и развратниками. Однако они были покровителями наук и искусств и на самом деле сделали на этом поприще больше, чем почти любой другой царский дом в мире. Александрия Птолемеев была в какой-то степени центром развития таких наук, как анатомия, геометрия, конические сечения, гидростатика, география и астрономия, одновременно занимая самое важное положение в мире искусства. Царский дворец был известен своим великолепием и роскошью, и монарх жил в хроническом состоянии пресыщения, которого не испытывал ни один владыка. Когда Сципион Африканский посетил Египет, он увидел прадеда нашей Клеопатры Птолемея VII, который носил прозвище Фискон (значений у этого слова много, и все плохие), толстым, задыхающимся и явно перекормленным. Когда Сципион шел к дворцу вместе с царем, который, одетый в слишком прозрачные одежды, тяжело дышал рядом с ним, он прошептал другу, что Александрия извлекала по крайней мере одну пользу от его посещения – она увидела своего владыку на прогулке. Птолемей IX, дед Клеопатры, получил прозвище Латир (Лафур) благодаря, как говорят, сходству его носа с викой (травянистое кормовое растение семейства бобовых. – *Пер.*) или ему подобным стручковым растением: этот факт, безусловно, наводит на мысль о том, что царь не был человеком умеренным в своих привычках. Многие из Птолемеев были столь толсты от обжорства и пороков, что редко ходили без поддержки, хотя под воздействием вина вместе со своими пьяными сотрапезниками могли скакать по комнате достаточно легко. Птолемей XI, отец Клеопатры, настолько не одобрял воздержание, что однажды пригрозил философу Деметрию смертной казнью за то, что тот не напился допьяна на одном из его пиров. И несчастный вынужден был на следующий день публично напиться до одури, чтобы спасти свою жизнь. Такие картинки показывают нам Птолемеев с самой худшей стороны, и мы вынуждены задать вопрос, как могло быть возможным, что Клеопатра, на которой закончилась их династия, не стала совершенно безнравственной женщиной. До сих пор, как вскоре станет очевид-

ным, нет веских причин предполагать, что ее грехи были многочисленными или связанными с распутством.

Отец Клеопатры Птолемей XI (в некоторых хронологиях – XII), носивший прозвище Авлет (то есть Флейтист), был дегенератом маленького роста, который проходит по политической сцене в состоянии почти непрекращающегося опьянения. Мы видим его изображенным в пьяном виде, когда он возглавляет буйные оргии во дворце. Мы видим его, когда он строит бестолковые заговоры и плетет интриги, чтобы удержать свой шатающийся трон; мы слышим, как он часами играет на своей флейте; и мы понимаем, что его деяния едва ли стоили бы быть увековеченными, если бы не тот факт, что во время его правления наметился перелом в развитии политических отношений между Римом и Египтом, которые к концу династии Птолемеев стали оказывать такое сложное воздействие на историю обеих стран. После битвы при Пидне (состоялась в 168 г. до н. э. во время Третьей Македонской войны. – *Пер.*), закончившейся разгромом Македонии, Рим получил почти абсолютную власть над эллинистическим миром и вскоре наложил лапу на всю торговлю в Восточном Средиземноморье. К концу эпохи Птолемеев великая республика (в недалеком будущем – империя) обратила жадный взор на Египет, выжидая случая захватить эту богатую страну.

Главная ветвь рода Лагидов закончилась с убийством Птолемея X Александра. Жители Александрии сразу же приняли Птолемея XI, сына Птолемея IX, как своего царя, потому что он был самым старшим потомком этого рода по мужской линии, и их отказ принять его правление привел бы эту династию к затуханию, тем самым обеспечивая себе немедленную римскую оккупацию. Цицерон пишет об этом новом монархе как *nec regio genere ortus*, что означает: кем бы ни была его мать, она не была правящей царицей, когда родила его. Но население Александрии не было склонно сомневаться в его происхождении, когда было очевидно, что только он стоит между их свободой и безжалостной властью Рима.

Однако, как только он вззошел на трон, открылось, что Птолемей X Александр назначил своим наследником в своем завещании Римскую республику, тем самым добровольно завершая свою династию. Такой ход был не нов. Так было в случае с Пергамом в Малой Азии, Киреной (греческая колония в совр. Ливии, в Киренаике [восток страны]. – *Пер.*) и Вифинией (в Малой Азии), и кажется вероятным, что Птолемей Александр сделал этот шаг, чтобы получить финансовую или моральную поддержку римлян в отношении своего восхождения на престол или по какой-нибудь в равной степени неотложной причине. Сенат признал подлинность завещания, что, разумеется, партия Птолемея XI отвергла. Почти нет сомнений в том, что это завещание было подлинным; однако есть большие сомнения в том, что оно имело силу с юридической точки зрения. Во всяком случае, римский сенат, получая благодаря этому документу столько личного богатства завещателя, сколько удалось присвоить, не предпринял никаких шагов к тому, чтобы свергнуть с престола двух новых царей ни в Египте, ни на Кипре, хотя, с другой стороны, официально не признал их.

На такое отношение сената повлиял также тот факт, что многие люди в Риме не хотели видеть республику втянутой в дела Востока, они также в то время не были склонны давать в руки любому человеку такую власть, которая достанется чиновнику, назначенному губернатором новой провинции. Египет считался очень богатой и сильной страной. Он хранил ключи к богатым странам юга и казался чуть ли не главными воротами в Аравию и Индию. Доходы дворца в Александрии были равны в то время государственному доходу Рима, и даже в более поздний период, после того как Помпей сильно увеличил ежегодные поступления в казну, богатство египетского двора не сильно отставало от этой возросшей суммы. Александрия стала преемницей Афин как центр культуры и образования и теперь считалась вторым городом в мире. Поэтому считалось, что армии и полководцы, посланные через море в эту далекую страну, могут подвергнуться риску оказаться поглощенными жизнью страны, которую они удерживают, и неизбежно создадут Восточную империю, которая станет угрозой Риму.

Новый царь Египта, которого мы теперь можем называть по его прозвищу Авлетом, был очень обеспокоен существованием этого завещания и на протяжении всего своего правления постоянно прилагал усилия к тому, чтобы откупиться от ожидаемого вмешательства Рима. Он был несчастным, невезучим человеком. Все, чего он просил, – это позволение наслаждаться царскими богатствами в пьяном умиротворении, а не испытывать навязчивый страх того, что его могут вышвырнуть из его царства. Авлет был большой любитель пожить всласть, и ничто не доставляло ему большего удовольствия, чем участие в оргиях Диониса. Он умело играл на флейте и, когда бывал трезвым, по-видимому, проводил много часов, безмятежно играя на флейте под лучами солнца. И все же его правление постоянно омрачалось знанием того, что римляне могут в любой момент свергнуть его с трона. О нем пишут, что по вечерам он часто давал волю своей меланхолии, выдувая из своей маленькой флейты одну из тех плачущих мелодий своей родины, которая дрожит, как песня ночной птицы, и, наконец, уносится на полутоне в тишину.

На пятом году своего правления, то есть в 75 г. до н. э., его родственница Селена послала двух своих сыновей в Рим с целью заполучить троны Египта, Кипра и Сирии, и Авлет, вероятно, с беспокойством следил за их попытками занять его место. Он знал, что они направо и налево раздают взятки сенаторам, чтобы добиться своей цели, и он понимал, что одним только этим можно тронуть сердце Римской республики, и все же пока он избегал этого способа траты доходов своей страны и через некоторое время с удовлетворением узнал, что Селена оставила свои попытки получить признание. На тринадцатом году своего правления Помпей послал флот под командованием Лентула Марцеллина с целью очистить побережье Египта от пиратов, и, когда Лентул стал консулом, он приказал, чтобы на его монетах изображались орел и молния Птолемеев, чтобы отметить тот факт, что он осуществляет акт верховной власти, который связан с этой страной. Три года спустя в Александрию был послан еще один римский флот, чтобы выполнить волю сената в отношении определенных спорных вопросов; и снова Авлет, должно быть, испытывал муки ужаса перед грозящим ему лишением власти.

В 65 г. до н. э. его, пребывающего в пьяной беззаботности, потревожила весть о том, что римляне подумывают об отправке Красса или Юлия Цезаря с целью захвата его царства, но эти планы сошли на нет, и на какое-то время Авлета оставили в покое. В 63 г. до н. э. Помпей насильственно присоединил Сирию (а также Палестину) к римским владениям (Помпей занял Иерусалим. Вломился в святая святых, осквернив храм Соломона. – *Ред.*), после чего Авлет послал ему в подарок большую сумму денег и припасы для воска, чтобы купить дружбу римского полководца. Одновременно с этим он пригласил Помпея приехать в Египет с дружеским визитом, но Помпей, приняв от царя деньги, не счел необходимым воспользоваться его гостеприимством.

Наконец, в 59 г. до н. э. Авлет решил, что сам поедет в Рим, надеясь при посредничестве Помпея или Цезаря, который в том году был консулом, получить официальное признание сенатом его права на египетский трон. Поскольку он был дегенеративной и ничтожной личностью, не было никакой вероятности того, что римляне утвердят его в правах на царство, если только им как следует не заплатят за это, и поэтому Авлет взял с собой все деньги, какие только смог достать. В Риме, по словам Моммзена (Теодор Моммзен, 1817–1903; немецкий историк. Написал много трудов по истории Древнего Рима, в том числе «Римскую историю», охватывающую период до 46 г. до н. э. – *Ред.*), «люди забыли, что такое честность. Человека, который отказывался от взятки, считали не честным, а личным врагом». Поэтому по приезде Авлет дал огромные взятки различным сенаторам, чтобы заручиться их поддержкой, и сообразительные римские магнаты, по-видимому, регулярно грабили его. Когда в какой-то момент деньги, привезенные из Египта, закончились, он занял колоссальную сумму у крупного ростовщика Рабрия Постума, который уговорил некоторых своих друзей тоже дать царю денег взаймы. Эти люди образовали нечто вроде синдиката по финансированию Авлета на том условии, что если

его утверждают в правах наследства, то каждый из них вернет себе сумму гораздо большую, чем та, которую каждый вложил.

Визит Авлета в Рим состоялся как раз вовремя. Война с пиратами и Третья война с Митридатом заставили республику испытывать острую нужду в средствах, и было много разговоров о преимуществах немедленной аннексии Египта. Красс, трибун Рулл и Юлий Цезарь проявляли большое желание захватить эту страну без промедления; и несчастный царь Египта, таким образом, оказался в самом отчаянном положении. Наконец, взятка в размере 6 тысяч талантов (155,4 тонны серебра) заставила почти обанкротившегося Цезаря дать Авлету столь желанное признание его монархом, и эта позорная сделка временно закончилась тем, что Цезарь силой провел в сенате свой Закон Юлия о царе Египта, в котором Птолемей XI был назван «союзником и другом римского народа».

В следующем, 58 г. до н. э. римляне, по-прежнему испытывавшие нужду в деньгах, приготовились аннексировать Кипр, которым правил Птолемей, брат Авлета. Такой шаг был предложен Публием Клодием, низким политиком, который питал злобу к кипрскому Птолемею из-за того, что однажды, когда Клодия захватили пираты, Птолемей предложил всего 2 таланта, чтобы его выкупить. Этот Птолемей не стал откупаться от захватчиков, как это сделал его брат, и, как результат, Марк Порций Катон высадился на острове и сделал его частью римской провинции Киликии. Птолемей, с царским достоинством, тут же отравился, предпочтя умереть, нежели страдать, подвергнувшись унижительному изгнанию с трона, который он узурпировал. Его богатства в сумме 7 тысяч талантов попали в руки Катона, который, несомненно забрав себе долю добычи, передал оставшуюся ее часть милостивому сенату.

Как только Авлет получил поддержку Рима, его собственный народ в Александрии, возмущенный ростом налогов, необходимых для выплаты его долгов, и отказом царя отнять у римлян Кипр, поднял восстание и изгнал его из Египта. По пути в Рим Авлет зашел на остров Родос, где, как он слышал, остановился Катон, чтобы получить у этого прославленного сенатора какую-нибудь помощь. А так как Авлет лично мало общался с римлянами, он послал царское приглашение или приказ Катону явиться к нему. Но сенатор, который в тот день страдал от разлития желчи и как раз только принял дозу лекарства, не был в настроении идти к подвыпившему царю. Поэтому он послал Авлету записку, в которой говорилось, что если тот желает его видеть, то ему лучше прийти к нему домой. И таким образом, царь Египта был вынужден смириться и отправиться в дом сенатора. Катон даже не поднялся с места, когда в комнату провели Авлета, а сразу предложил царю сесть и прочитал ему строгую нотацию о том, что глупо ехать в Рим, чтобы обратиться со своей просьбой. Он заявил, что, даже если весь Египет превратить в серебро, это вряд ли удовлетворит жадность римлян, которых ему придется подкупать, и настойчиво побуждал его вернуться в Египет и помириться со своими подданными. Но по-видимому, состояние здоровья сенатора не позволило продолжать этот разговор, и Авлет, не поддавшийся увещаниям, отплыл в Италию.

Тем временем дочь царя Береника захватила египетский трон и безмятежно правила вместо своего отца. Эта принцесса и ее сестра Клеопатра VI, которая вскоре умерла, были единственными детьми Авлета от первого брака с Клеопатрой V. В детских комнатах дворца жили четыре малолетних ребенка, родившиеся от его второго брака, но кто была их мать, или была ли она в то время жива или мертва, история умалчивает. Двое из этих четверых детей впоследствии вступили на престол как Птолемей XII (в некоторых источниках – XIII) и Птолемей XIII (в некоторых источниках – XIV). Третьим ребенком была несчастная принцесса Арсиноя, а четвертой была великая Клеопатра VII, героиня этой книги, которой в то время было около одиннадцати лет (она родилась зимой 69/68 г. до н. э.).

Прибывший в Рим Авлет обратился к сенату как человек, несправедливо изгнанный из своих владений, которые он у сената купил. Он снова давал взятки видным государственным деятелям и снова везде занимал деньги, хотя теперь, вполне вероятно, его римские кредиторы

были не так оптимистичны, как в предыдущий раз. Цезарь на этот раз находился в Галлии и поэтому не мог быть подкуплен. Любопытно, что Помпей, по-видимому, не принял от царя деньги, хотя предложил ему гостеприимство своей виллы в Альбано (в Лацио юго-восточнее Рима. – *Пер.*) – факт, который предполагает, что идея возвращения Авлета на трон сильно привлекала впечатлительного римлянина. Он уже сделался кем-то вроде покровителя египетского двора, и можно почти не сомневаться в том, что в обмен на свои услуги он надеялся получить у Авлета свободный доступ к богатству и ресурсам богатейшей страны этого монарха.

Жители Александрии, которые совершенно не желали воцарения Авлета, прислали в Рим посольство из ста человек, чтобы изложить сенату свои доводы против царя. Но изгнанный монарх, движимый отчаянием, нанял убийц, которые напали на посольство у ПUTEОЛ (в настоящее время ПОЦЦУОЛИ, город к западу от Неаполя. – *Пер.*) и многих убили. Тем, кто остался в живых, были вручены хорошие взятки, и таким образом это преступление замяли. Возглавлявший эту депутацию философ Дион на этот раз уцелел, но был отравлен Авлетом, как только прибыл в Рим. После этого доведенный до отчаяния царь снова получил возможность спокойно дышать. И все теперь пошло бы у него хорошо, и он мог бы получить в свое распоряжение римскую армию, если бы какой-то политический противник не нашел в сивиллиных книгах пророчество, которое гласило, что, если царь Египта явится просить помощь, ему следует предложить дружбу, но не оружие. На этом, отчаявшись, несчастный Авлет покинул Рим и поселился в Эфесе, оставив в столице своего представителя по имени Аммоний, чтобы тот держал его в курсе всех событий.

Спустя три года, в январе 55 г. до н. э. интересы царя все еще обсуждались, и Помпей пытался урывками помочь Авлету вернуться на трон. Но страх сената отдать это дело в руки какого-либо человека был так велик, что никакое решение не было принято. Было высказано предложение, чтобы Лентул Спинтер, наместник Киликии, обошел сивиллино пророчество, оставив Авлета в Птолемаиде (совр. Акка), а сам поехал в Египет во главе армии. Но царь, без сомнения, увидел в этом попытку коварных римлян просто захватить его страну и выступил против этого плана с вполне понятной горячностью. Тогда поступило предложение, чтобы Лентул не брал армию, а положился бы на авторитет Рима с этой целью, тем самым следуя совету пророческой книги.

В конце концов Авлет предложил огромную взятку в размере 10 тысяч талантов за то, чтобы вернуть себе свое царство. В результате губернатор Сирии Авл Габиний, который сам был банкротом и остро нуждался в деньгах, согласился вторгнуться в Египет и посадить Авлета на трон, несмотря на предостережение пророчества. Будучи в долгах как в шелках и зная, что большая часть обещанной суммы достанется ему, Габиний очень хотел начать войну, хоть и боялся возможного поражения, поэтому он торопился с приготовлениями к военной кампании и вскоре был готов выступить в поход через пустыню в Египет.

Тем временем александрийцы выдали Беренику замуж за Архелая, верховного жреца города Команы в Каппадокии, честолюбивого человека, обладавшего большим влиянием и властью, который был протее Помпея Великого, сделавшего Архелая верховным жрецом в 64 г. до н. э., после чего Архелай тут же предпринял попытку – однако безуспешную – получить поддержку Рима. Габиний недолго думая объявил войну Архелая под тем предлогом, что тот поощряет пиратство на североафриканском побережье, а также строит флот, который может рассматриваться как угроза Риму; и вскоре его армия уже шла по пустыне из Газы в Пелусий.

Кавалерией, которая была послана впереди основных сил, командовал Марк Антоний, который в то время был энергичным молодым военачальником с радужными перспективами. Пограничная крепость Пелусий сдалась благодаря его блестящему полководческому искусству, и вскоре римские легионы уже шли на Александрию. Дворцовая охрана присоединилась к захватчикам, Архелай был убит, и город пал.

Авлет немедленно возвратился на трон, а свою дочь Беренику казнил. Большое количество римских пехотинцев, а также кельтская и германская кавалерия, о которых мы еще услышим, остались в городе для поддержания порядка, и, по-видимому, какое-то короткое время Марк Антоний пребывал в Александрии. Юная принцесса Клеопатра была в ту пору девушкой лет четырнадцати и, говорят, уже тогда привлекла командира римских кавалеристов своей юной красотой и обаянием. В восточной части Средиземноморья девушка в четырнадцать лет считается уже взрослой и давно достигшей того возраста, который называется брачным. По всей вероятности, не следует придавать большого значения этой встрече, но она представляет интерес в свете будущих событий.

Теперь римляне начали требовать выплат различных сумм, обещанных им Авлетом. Одним из самых крупных кредиторов оказывается Рабирий Постум, и способ, при помощи которого царь мог расплатиться с ним, состоял в том, чтобы сделать его диойкетом (административно-финансовая должность в греко-римском Египте. Диойкет был вторым после царя лицом – контролировал царские владения, торговлю, чеканку монет, работу транспорта, составлял план сева, следил за сбором налогов и др. – *Ред.*), чтобы все налоги могли проходить через его руки. Рабирий также представлял интересы докучливого Юлия Цезаря, а возможно, и Габиния. Деньги римлян были даны в долг и должны быть возвращены; римские чиновники контролировали все налоги; римская армия оккупировала столицу, а царь правил с разрешения римского сената, которому было завещано это царство.

В 54 г. до н. э. александрийцы предприняли попытку сбросить с себя это бремя и изгнали Рабирия из Египта (это сделал сам Птолемей XI Авлет, устранивший Рабирия под угрозой народного восстания. – *Ред.*). Внимание Рима сразу же обратилось на Александрию и остальной Египет; вероятно, эта страна была бы немедленно присоединена к Римской империи, если бы ужасная катастрофа в Парфии в следующем, 53 г. до н. э., когда Красс потерпел поражение и был убит, не обратила мысли римлян в другое русло (из 40 тысяч римлян погибло 20 тысяч, в том числе Красс и его сын, 10 тысяч попали в плен. – *Ред.*). Но Авлет недолго наслаждался своими дорого купленными привилегиями и летом 51 г. до н. э. умер, оставив четверых детей от второго брака с неизвестной женщиной, которая к тому времени была, вероятно, уже мертва. Знаменитая Клеопатра, седьмая по счету в династии с таким именем, была старшей в этой семье, и в момент смерти ее отца ей было приблизительно восемнадцать лет. Ее сестра Арсиноя, которую она от всего сердца не любила, была на несколько лет моложе. Третьим ребенком был мальчик десяти или одиннадцати лет, который позднее был известен как Птолемей XII (или XIII). И наконец, был еще один ребенок, который впоследствии стал Птолемеем XIII (или XIV), ему тогда было лет семь-восемь. Авлет, наученный своим собственным горьким опытом, предпринял меры предосторожности и написал подробное завещание, в котором он четко изложил свои пожелания в отношении престолонаследия. Один экземпляр этого завещания хранился в Александрии, а вторая копия, должным образом заверенная и запечатанная, была отдана в Риме Помпею, который подружился с царем, когда тот был в этом городе. В этом завещании Авлет распорядился, чтобы старшая из его уцелевших дочерей и старший из уцелевших сыновей правили совместно, и призвал римский народ именем его богов и ввиду всех заключенных с ним договоров проследить, чтобы условия его завещания были исполнены. Далее он просил римский народ выступить в роли опекунов нового царя, словно боясь, что мальчика может подавить или даже убрать со своего пути его соправительница-сестра. И в то же самое время Авлет настаивал, чтобы ничего не было изменено в порядке престолонаследия, и его слова сочли намеком на то, что он боялся, чтобы Клеопатра тем же манером не оказалась устраненной в пользу Арсинои. При дворе Птолемеев тот факт, что два сына и две дочери живут во дворце в момент смерти царя, не сулил ничего хорошего в смысле спокойствия в стране. Авлет знал о том, что Клеопатра и Арсиноя находятся друг с другом не в самых лучших отношениях, и это породило в нем самые мрачные опасения. Помня историю своей семьи и

зная, что его руки обгажены кровью собственной дочери Береники, которую он убил по возвращении из ссылки, Авлет, вероятно, полностью осознавал возможность междоусобной войны между его оставшимися детьми. Устав в преклонном возрасте от кровопролития и желая себе и своим потомкам лишь мира, он сделал все, что было в его власти, чтобы обеспечить им то приятное бездействие, которого часто был лишен он сам.

Ясное дело, что желание Птолемея XI (или XII) Авлета, чтобы его восемнадцатилетняя дочь правила вместе с его десятилетним сыном, повлекло за собой брак сестры с братом, ведь Птолемеи следовали древним египетским обычаям настолько, что в случае необходимости брак между царственными братом и сестрой совершался. Этот обычай был в Египте очень древним и изначально основывался на законе о порядке наследования трона женщинами, согласно которому старшая дочь монарха становилась наследницей царства. Сын, которого избрал отец в наследники трона или который так или иначе претендовал на власть, получал свое законное право на царство, женившись на этой наследнице. Когда такой наследницы не существовало или когда претендент на престол мужского пола не имел серьезных соперников, это правило, по-видимому, часто оставалось без внимания. Но есть несколько примеров такого пренебрежения им, когда обстоятельства требовали подкрепления царских притязаний на трон.

Поэтому, когда, согласно условиям завещания Авлета, его старшая дочь и его старший сын совместно унаследовали престол как Клеопатра VII и Птолемей XII (или XIII), их формальный брак рассматривался как нечто само собой разумеющееся. Нет никаких доказательств свершения этого брака, и можно предположить, что по желанию Клеопатры он был отложен на основании чрезвычайной молодости царя. Браки в возрасте одиннадцати или двенадцати лет не были чем-то необычным в Древнем Египте, но они были не вполне приемлемы для греков, и царица, вероятно, без труда сделала это оправданием того, что власть оказалась в ее собственных руках. Этот юный Птолемей XII был отдан на попечение евнуха Потина, который, по-видимому, был типичным представителем категории дворцовых интриганов, знакомой любому историку. Учитель царя по имени Теодот, сомнительный греческий преподаватель риторики, также имел значительное влияние при дворе. А третьим наперсником царя был неразборчивый в средствах военачальник-египтянин по имени Ахиллес, который командовал дворцовой охраной. Эти три человека вскоре приобрели значительную власть и, действуя от имени своего юного хозяина, сумели прибрать к рукам большую часть правления страной. Клеопатра тем временем, по-видимому, страдала чем-то вроде помрачения. Она была все еще лишь юной девушкой, а ее советники оказались менее целеустремленными, чем те, которые окружали ее брата. Так как царь был еще малолетним, основную часть государственных дел вела царица, но, вероятно, реальными правителями страны были Потин и его товарищи.

Два года спустя после смерти Авлета (то есть в 49 г. до н. э.) Марк Кальпурний Бибул, проконсул и наместник Сирии, послал в Александрию двух своих сыновей с приказом римским войскам, размещенным в этом городе, присоединиться к его армии в планируемой военной кампании против парфян (после победы над Кроссом парфяне перешли в наступление. В 40–38 гг. до н. э. они даже сумели захватить Сирию, Палестину и значительную часть Малой Азии. Только после поражения в 38 г. до н. э. при Гиндаре, близ Антиохии, Парфия отступает и переходит к обороне. – *Ред.*). Эти войска, размещенные в Александрии, представляли собой оккупационную армию, которую оставил в Египте Габиний в 55 г. до н. э. в качестве обеспечения защиты Авлету. По большей части это была галльская и германская кавалерия, состоявшая из неотесанных мужланов, чьи грубые привычки и крупные тела, вероятно, делали их диковинкой и наводили ужас на население города. Эти *Gabiniani milites* к этому времени уже обустроились на своей новой родине и взяли себе жен из греческих и египетских семей Александрии. Несмотря на то что в оккупационной армии было много римских пехотинцев-ветеранов, которые воевали под командованием Помпея, дисциплина в войсках уже сильно ослабла. И

когда был получен приказ от наместника Сирии, немедленно поднялся мятеж, а двое несчастных сыновей Бибула были сразу же убиты разъяренными и, наверное, пьяными солдатами. Когда об этом стало известно во дворце, Клеопатра отдала распоряжение немедленно арестовать убийц. И солдаты, поняв, что им не годится роль мятежных войск, выдали зачинщиков бунта, и в дальнейшем, очевидно, беспорядков не было. После этого царица отправила пленников в цепях к Бибулу, но он в лучших традициях старой римской аристократии отослал этих убийц своих двух сыновей ей назад с посланием, в котором говорилось, что право налагать наказание в таких случаях принадлежит только сенату. История умалчивает о том, какова была окончательная судьба этих людей, и этот инцидент не имеет большого значения, за исключением того, что он показывает первое деяние Клеопатры, зафиксированное во время ее правления, которое характеризовалось тактичной взвешенностью и справедливостью по отношению к своим римским соседям.

Вскоре после этого, в 49 г. до н. э., Помпей послал своего сына Гнея Помпея в Египет, чтобы достать корабли и людей, необходимых для готовящейся гражданской войны, которая казалась неизбежной. И войска Габиния, понимая, что война против Юлия Цезаря дает более благоприятные возможности, чем кампания против свирепых парфян, радостно откликнулись на этот призыв. Пятьдесят боевых кораблей и отряд из пятисот человек покинули Александрию вместе к Гнеем Помпеем и со временем присоединились к армии Бибула, который теперь стал адмиралом Помпея в Адриатике. Говорят, что Гней Помпей был пленен красотой и обаянием Клеопатры и сумел войти к ней в близкие отношения, но нет абсолютно никаких сведений, что оправдали бы предположение, будто там была какая-то серьезная любовная связь. Я придерживаюсь того мнения, что истории такого рода стали циркулировать благодаря тому факту, что возможность брака между Клеопатрой и молодым римлянином взвешивалась александрийскими политиками. Великий Помпей был едва ли не первым лицом в Римской державе, и союз с его сыном – по аналогии с союзом между Береникой и верховным жрецом Команы Архелаем – был бы очень желателен. Но это предложение, по-видимому, не получило большой поддержки, и некоторое время спустя оно было забыто.

В следующем, 48 г. до н. э., когда Клеопатре исполнился двадцать один год, а ее брату-соправителю четырнадцать лет, в Александрии произошли важные события, о которых в истории не осталось ясных записей. Оказалось, что брат и сестра поссорились, а дворец разделился на две противоборствующие партии. Молодой Птолемей при поддержке евнуха Потина, краснбая Теодота и военачальника Ахиллеса выдал себя за единственного правителя Египта, и Клеопатра была вынуждена спасать свою жизнь, бежав в Сирию. Мы ничего не знаем об этих важных событиях: борьба во дворце, дни, когда молодая царица находилась в смертельной опасности, безрассудно смелое бегство из Египта. Мы знаем только то, что, когда занавес над этой царской драмой вновь поднимается, молодой Птолемей предстает царем Египта и со своей армией находится на восточной границе царства, чтобы не допустить вторжения своей изгнанной сестры, которая в Сирии собрала экспедиционные войска и отправилась на свою родину, чтобы снова захватить потерянный трон. Что-то сильно будоражит воображение при мысли о быстром возвращении деятельной царицы на опасное место действия, откуда она незадолго до этого спасалась бегством. И историк сразу понимает, что имеет дело с женщиной с сильным характером, которая смогла так быстро собрать армию наемников и осмелилась идти походным маршем в боевом порядке через пустыню в страну, которая сделала ее изгнанницей.

Глава 2

Девушка

Крепость Пелусий, возле которой встали противоборствующие армии Птолемея XIII и Клеопатры VII, располагалась в низинной пустынной местности вблизи моря, немного восточнее современного Порт-Саида. Это был самый дальний восточный порт и крепость в дельте Нила. Построенная на оживленной дороге, которая шла вдоль побережья между Египтом и Сирией, крепость была воротами царства Птолемеев в Азию. Юный Птолемей XIII со своими советниками и воинами расположился в этой крепости, чтобы преградить путь Клеопатре, которая, как мы уже видели, продвигалась вместе с большой армией в Египет из Сирии, куда бежала, спасая свою жизнь. 28 сентября 48 г. до н. э., когда войско Клеопатры, дойдя до Пелусия, готовилось атаковать крепость, расположив свой лагерь на морском побережье в нескольких милях к востоку от нее, произошло событие, которому было суждено изменить весь ход истории Египта. Из-за пустынного мыса к западу от небольшого порта в море показался селевкийский боевой гребной корабль и бросил якорь на небольшом расстоянии от берега. На палубе этого корабля стояли потерпевший поражение Помпей Великий и его жена Корнелия, которые, спасаясь бегством после разгрома при Фарсале (в решительной битве при Фарсале в Фессалии в 48 г. до н. э. Цезарь разгромил Помпея. – *Ред.*), приплыли просить египетского царя оказать им гостеприимство. Молодой царь, по-видимому, был предупрежден о его прибытии, потому что Помпей заходил уже в порт Александрии и, узнав там, что Птолемей XIII отбыл в Пелусий, вероятно, послал к нему гонца по суше, а сам поплыл по морю. Эта весть вызвала в лагере царя величайшее волнение, и в тот момент и наступление Клеопатры, и надвигающееся сражение с ее войском были совершенно забыты в возбуждении от прибытия человека, который на протяжении такого долгого времени был могущественным покровителем двора Птолемеев.

Египет, как и весь остальной мир, с большим интересом следил за ходом войны, которую вели два римских титана, Помпей и Цезарь, уверенный в успехе первого. И гонец проигравшего полководца был, вероятно, первым, кто принес подлинные вести о результате сражения, которого дожидались с таким нетерпением. Все симпатии александрийцев были на стороне армии Помпея, ведь беглец, который теперь просил отплатить ему добром за его бывшие услуги, всегда был для них олицетворением римского покровительства. Они почти ничего не знали о Цезаре, который много лет провел далеко на северо-западе (ведя в 58–51 гг. до н. э. долгую, кровавую, но победную войну в Галлии, на юге Британии и против германцев на Рейне, сокрушив всех своих противников. – *Ред.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.